

Опубликовано в журнале:

[«Критическая Масса» 2005, №2](#)

Книги / рецензии номера

Андрей Россомахин

Александр Башлачев. Как по лезвию

Предисл. А. Троицкого. М.: Время, 2005. 256 с. Тираж 3000 экз. (Серия «Поэтическая библиотека»)

Московское издательство «Время» известно прежде всего своими сериями «Триумфы» и «Поэтическая библиотека».

Серия «Триумфы» предназначена для произведений мировой классики — Петрарка, Овидий, Мильтон, Чосер, Китс, Рильке, — издающейся в стильных зеленых томиках (билингва, иллюстрации, плотная бумага, закладка).

Серия «Поэтическая библиотека» призвана по возможности наиболее полно представить отечественных авторов в одном томе, хотя есть и исключения из этого принципа. Абсолютное большинство авторов претендуют на статус «современных классиков»: в серии вышли И. Сельвинский, В. Луговской, Л. Губанов, Е. Евтушенко... За последний год в этой серии выпущены собрания стихов Д. Кедрина, Л. Миллер, Т. Бек, Ю. Кублановского. Самая последняя новинка — «Как по лезвию» Александра Башлачева (1960—1988).

В книгу вошло 65 поэтических текстов, два интервью, примечания (с. 222—253) и 8 фотографий на шмуцтитулах. Черно-белый квадрат обложки. Красное поле форзаца — бесхитростная и бесстрастная иллюстрация к башлачевским строчкам о том, как «горлом идет любовь...».

Заглавие книге дала строка из «Песенки на лесенке»: «Как по лезвию/ лезем лесенкой / за неспетою песней-песенкой...», в которой слышится отголосок строк Владимира Высоцкого:

...Поэты ходят пятками по лезвию ножа

И режут в кровь свои босые души...¹

Босая, обнаженная душа — это именно Башлачев, легенда и боль русской поэзии конца XX века. Эту легенду поэтам следует хранить в ряду прочих легенд, — скажем, Вийона, Рембо, Пушкина, Хлебникова.

С Артюром Рембо его роднит сверхкороткий период творческой активности — большинство своих шедевров Башлачев создал за неполные два года (с лета 1984 по весну 1986-го).

Поражает полное равнодушие Башлачева к собственному пиару, скромность, отсутствие позы². В своем позднем творчестве он сосредоточен на абсолютной

духовной цели, он дерзает сделать слово магией, он претендует на преобразование мира³. Есть в этом и что-то хлебниковское.

Принадлежа своему времени, Башлачев, по-видимому, не мог не оказаться фигурой рок-подполья. Однако его поэзия не требует никаких полуснисходительных уточнений и/или оговорок («рок-поэзия») — перед нами чистейшая поэтическая стихия, подчас едва выносимая из-за своего напора, отчаянности, чистоты.

Бескомпромиссность, невероятная искренность и энергия, плач и заговор, отпущенные вожжи полубессознательной звукописи, освежающее погружение в глубины народной песни — с ее внутренней рифмой, ритмической «неаккуратностью», юмором и резким словом.

...В перестрелку — скиф,
В христопляску — хлыст,
— Море! — небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих —
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.
В каждой строчке: стой!
В каждой точке — клад.
— Око! — светом в тебе расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь.

Эти строки — квинтэссенция лучших вещей Башлачева, хоть и написаны Мариной Цветаевой. Это будто бы некий пред-конспект *семи кругов* его *беспокойного лада* с захлебывающейся вязью ассоциативных рядов:

Рука на плече. Печать на крыле.
В казарме проблем — банный день.
Промокла тетрадь.

Я знаю, зачем иду по земле.

Мне будет легко
улетать...

«Все от винта!» (1985)

Красною жар-птицею,
салютуя маузером лающим,
Время жгло страницы,
едва касаясь их пером пылающим.
Но годы вывернут карманы —
дни, как семечки,
валятся вкривь да врозь.
А над городом — туман.
Худое времечко
с корочкой запеклось...
«Ржавая вода» (1985)

Гипнотическая метафорика и эпические обобщения «Петербургской свадьбы» и «Абсолютного Вахтера», пронзительная печаль и тончайшая мелодика «Ванюши», ошеломляющие, остраляющие концовки «Дороги», «Хозяйки», «Окон в Европу»...

Жесткая проповедь, не настаивающая на морали («Тесто», «Вечный Пост»), контаминации различных пластов российской истории, афористичные определения национальной ментальности («Лихо» и многие другие вещи).

Что же это такое? Захватив нас своей поэтикой, он способен простейшим, казалось бы, штрихом вывести из равновесия и толкнуть куда глаза глядят — голенькими, лишив комфортабельного цинизма и всех подпорок обыденного существования:

...Мы понимаем, что в золоте есть медь.
Но мы научились смотреть, не отводя глаза.
Дорога прямая. И, в общем-то, рано петь:
— Кондуктор, нажми на тормоза...
«Прямая дорога» (1984)

Звенели бубенцы. И кони в жарком мыле
Тачанку понесли навстречу целине.
Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили
Два черных фонаря под выбитым пенсне.

Там шла борьба за смерть. Они дрались за место
И право наблеть за свадебным столом.
Спеша стать сразу всем, насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли напролом.

Сегодня город твой стал праздничной открыткой.
Классический союз гвоздики и штыка.

Заштопаны тугой, суровой красной ниткой
Все бреши твоего гнилого сюртука...

.....
«Петербургская свадьба» (1985)

...Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь.
Коротки причастия на Руси.
Не суди Ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.

.....
Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.
Но не слепишь крест, если клином клин,
Если месть — как место на звон мечом,
Если все вершины на свой аршин,
Если в том, что есть, видишь, что почем.

.....
Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас ни пас, Худом ли, Добром,
Вечный Пост,
 умойся в моей любви!
Небо — с общину.
Все небо — с общину.
Мы празднуем первый Гром!
«Вечный Пост» (1986)

Любовь — самое частотное слово у Башлачева. На пространстве шестидесяти текстов оно встречается почти сто раз (вместе с производными). И, поистине, как сказал другой поэт, лучше о смерти спеть с любовью, чем о любви как покойник...

...Фильтр сигареты испачкан в крови.
Я еду по минному полю любви.
Хочу каждый день умирать у тебя на руках.

Мне нужно хоть раз умереть у тебя на руках.

Любовь — это слово похоже на ложь.
Пришитая к коже дешевая брошь.
Прицепленный к жестким вагонам вагон-ресторан.

И даже любовь не поможет сорвать стоп-кран.

Любовь — режиссер с удивленным лицом,
Снимающий фильмы с печальным концом,
А нам все равно так хотелось смотреть на экран.

Любовь — это мой заколдованный дом,

И двое, что все еще спят там вдвоем.
На улице Сакко-Ванцетти мой дом 22.

Они еще спят, но они еще помнят слова...
«Поезд» (1984)

Башлачева не стало 17 февраля 1988 года. Именно рубеж 1987/1988 годов можно назвать принципиальной вехой в истории рок-движения.

Автор этих строк заинтересовался так называемой «рок-культурой» тогда, когда рок-революция только-только отгремела. Стоит поэтому довериться словам ее очевидцев и летописцев:

«Только успев появиться в московском и ленинградском рок-подполье, он становится важнейшей, может быть, даже центральной его фигурой... Именно Башлачеву принадлежит гимн русского рока — *„Время колокольчиков“*... Именно Башлачев нашел сильные и гордые слова, которыми наши „доморощенные битлы“ могли на равных разговаривать с англосаксонскими корифеями...

...Один из самых труднообъяснимых феноменов русского рока — посмертное продолжение его истории в песнях, написанных Гребенщиковым, Шевчуком, Кинчевым под воздействием творчества и личности Александра Башлачева... Прямой наследницей Башлачева была Яна Дягилева (Янка) — последнее самостоятельное явление рок-культуры на российской земле»⁴.

«Именно Башлачев прожил это рок-н-рольное время так честно и так последовательно, как никто другой. Удивительно спокойный в отношении всей внешней суеты... он не был протестом (резкий протест — тоже свидетельство повышенного внимания), а скорее в нем...

...Если в 87-м году афиша типа „Пресняков-мл. — ЧАЙФ — Мираж“ или „Пресняков-с. — НАТЕ — Белоусов“ воспринималась как оскорбление, то в 88-м становится нормой. С крушением стены, отделявшей рок от эстрады в концертном бизнесе, рушилась и аналогичная перегородка в сознании молодой аудитории, которая не имела подпольного опыта. Согласитесь, трудно требовать от людей, чтобы они относились к вам лучше, чем вы сами к себе относитесь. На оправдания музыкантов „в нашей программе, за которую мы отвечаем, не меняется ни одно слово и одна нота“ „Урлайт“ (журнал. — *А. Р.*) грубо, но резонно отвечал, что, если часто подавать даже самое изысканное блюдо с гарниром из дерьма, в конце концов на него все-таки выработается (по академику Павлову) классический условный рефлекс.

Одновременно разрушались все те несокрушимые снаружи и очень хрупкие изнутри конструкции, которые поддерживали внутреннюю структуру рок-движения: традиции, ритуалы, взаимное доверие и солидарность...»⁵

На этом фоне отказ Башлачева к 1988 году от слова «рок-н-ролл» в песне «Время колокольчиков» (1984) представляется более чем показательным. В ноябре 1988-го шестичасовой концерт в Лужниках, посвященный памяти Башлачева, стал финальным аккордом периода Sturm und Drang русского рока.

Время колокольчиков, воспетое Башлачевым, кончилось, что было осознано практически всеми и практически сразу. Речь далеко не только о роке. Кончалась эпоха и страна.

Вернемся к книге, выпущенной издательством «Время». Как ни странно, в книге не указан ни составитель, ни автор примечаний — впору отождествить с ними А. Троицкого, автора небольшого предисловия.

Издательская аннотация гласит: «Настоящее издание является наиболее полным собранием песен и стихов Александра Башлачева: в него включены все известные стихи и все сохранившиеся тексты песен, за исключением некоторых стихотворений студенческого периода и текстов песен для группы „Рок-Сентябрь“. В примечаниях приводятся даты написания и другие редакции (варианты) текстов. Тексты, помеченные знаком (*), публикуются по автографу, в авторской правке (в основном по авторскому списку января 1988 года). Остальные тексты приводятся по последнему исполнению. Разбивка всех стихов и песен на шесть обособленных циклов произведена на основании авторских пометок».

Ровно такая же аннотация сопровождала книгу, которая появилась еще 8 лет назад: А. Башлачев. Стихи. М.: [Х.Г.С.], 1997 / Составители А. Каменцева, А. Рахлина, А. Валединский, Е. Гапеев.

Итак, издательство «Время» полностью воспроизвело состав издания 1997 года, никак не оговорив его приоритет. Столь странное умолчание может привести и уже приводит к неадекватным представлениям со стороны неискушенных читателей — см., например, новостную хронику (<http://news.region35.ru/news/2005/05/18/10:56:47.html>), где рецензируемая книга названа «первым полным собранием» произведений Башлачева, не являясь на самом деле ни «первым», ни «полным».

Теперь несколько слов по поводу примечаний.

В примечания к стихотворению «Мы льем свое больное семя...» (стр. 237) вкралась явная ошибка: у *О. Мандельштама нет одноименного стихотворения*. Хотя Башлачев отсылает именно к классическому тексту Мандельштама:

БАШЛАЧЕВ

Мы льем свое больное семя
На лезвие того ножа,
Которым нас срезает время,
Когда снимает урожай...⁶

(1982)

МАНДЕЛЬШТАМ

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг,
И меня срезает время⁷,
Как скосило твой каблук...

(1922)

Вообще примечания не вполне последовательны и заведомо неполны: так, только в упомянутом стихотворении вслед за Мандельштамом нужно указывать также Лермонтова, Блока и Джорджа Оруэлла, составляющих «фон» башлачевского текста. Кроме того, новому поколению читателей может потребоваться уже реальный комментарий к этому произведению — не уверен, что все понимают контекст таких, например, строк: «...Шуты, фигляры и пророки / Сегодня носят „Фендера“, / Чтобы воспеть в тяжелом роке / Интриги скотного двора...».

По части литературных отсылок абсолютным рекордсменом у Башлачева будет стихотворение «Не позволяй душе лениться» — своеобразный центон, содержащий строки Заболоцкого, Есенина, Грибоедова, Блока, Ахматовой, цитаты из трех произведений Пушкина, а также аллюзии на три романа, два кинофильма и, кроме того, на «Интернационал»...

В подобных случаях публикатор должен четко решить, будет ли он претендовать на исчерпывающий комментарий авторского текста (в культурно-историческом, и/или литературном, и/или биографическом срезе), либо же предоставит читателю считать только те уровни информации, которые он, читатель, способен разглядеть. Непоследовательность же комментатора (комментаторов) вызывает целый ряд вопросов и замечаний.

Ограничимся еще только двумя. Комментарий почему-то игнорирует авторское жанровое определение «Петербургской свадьбы», определение, представляющееся и значимым, и весьма своеобразным: «*для гитары с праздничным салютом*» (см. фонограмму «Таганского концерта»).

В финале «Зимней сказки» представляется неоправданным перенос фразы между 32 и 33-м стихом, поскольку он разрушает ритм и рифму строф⁸, особенно затрудняя восприятие тем читателям, кто не слышал авторского исполнения этой песни.

Кстати, жаль, что в книге не нашлось места для дискографии Башлачева, даже если составители сознательно ориентировались на печатный текст, на поэзию-как-такую.

Когда-то (если быть точным — в 1913 году) как эпатажный жест воспринимался доклад Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников» — мол, отъявленное хулиганство сопоставлять освященное имя классика с именем сомнительного маргинала... Сегодня, спустя 17 лет после гибели Башлачева, мы имеем несколько десятков серьезных работ о его творчестве, в том числе и такие: «А. С. Пушкин и А. Н. Башлачев: Этика слова» (http://dk.ufanet.ru/bibl/sutoloka/n15_shaulov.htm); «Легенда о Поэте: Александр Башлачев и Александр Пушкин» (<http://sashbash.km.ru/interview/index.htm#>); «А. Пушкин и А. Башлачев в дискурсе постмодернизма». Уже составлена весьма подробная дискография, фонография и библиография. Выпущено около 20 дисков (магнитоальбомов)⁹, не менее четырех книг, появились первые диссертации¹⁰, Башлачев входит в школьные хрестоматии...

Пора уступить слово поэтам. «Мы — песня, догнавшая ветер!..» — написал Рильке в 1926 году в элегии для Марины Цветаевой. «Когда мы поем — поднимается ветер...» — написал Башлачев в 1986-м. Воистину так.

Андрей Россомахин

¹ Вероятно, именно в заочном диалоге с этим стихотворением Высоцкого («Кто кончил жизнь трагически...», 1971) написана баллада Башлачева «На жизнь поэтов» (1986). Другая его вещь, «Палата № 6», заставляет вспомнить «Я не

люблю» Высоцкого. Наконец, Высоцкому прямо посвящен целый поэтический триптих-складень, куда вплетены многочисленные цитаты из поэта-предшественника.

² Так, например, на дебютном для него и Ю. Шевчука концерте в Ленинграде 18 марта 1985 года, Башлачев, выступавший вторым, четырежды порывается уступить место товарищу (см. запись концерта, получившего название «Кочегарка»).

³ Отметим здесь работы одного из лучших, на наш взгляд, исследователей творчества Башлачева: С. В. Свиридов Поэзия А. Башлачева: 1983—1984 годы // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Выпуск 3. Тверь, 2000; Поэзия А. Башлачева: 1986 год / <http://sashbash.km.ru/interview/index.htm#>.

⁴ Илья Смирнов. История по Башлачеву // http://www.russ.ru/culture/textonly/20010620_smir.html

⁵ Илья Смирнов. Время колокольчиков: Жизнь и смерть русского рока. М., 1994. С. 226, 232.

⁶ Кажется, здесь возникает и невольная (?) перекличка со стихотворением Э. Багрицкого «Происхождение» (1930).

⁷ Ср. также со строкой из финала другого стихотворения Мандельштама: «...Время срезает меня, как монету...» («Нашедший подкову», 1923).

⁸ Если же есть основания полагать, что такое написание в автографе не случайно, — стоит специально оговорить это.

⁹ Существует и своеобразный концертный «семитомник» на CD, включающий 117 треков (издан «Отделением ВЫХОД» в 1995—1999 годах).

¹⁰ Например: В. С. Глинчиков. Феномен авторской песни в школьном изучении: А. Галич, В. Высоцкий, А. Башлачев (диссертация защищена в 1997 году в Самарском педагогическом университете).

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)